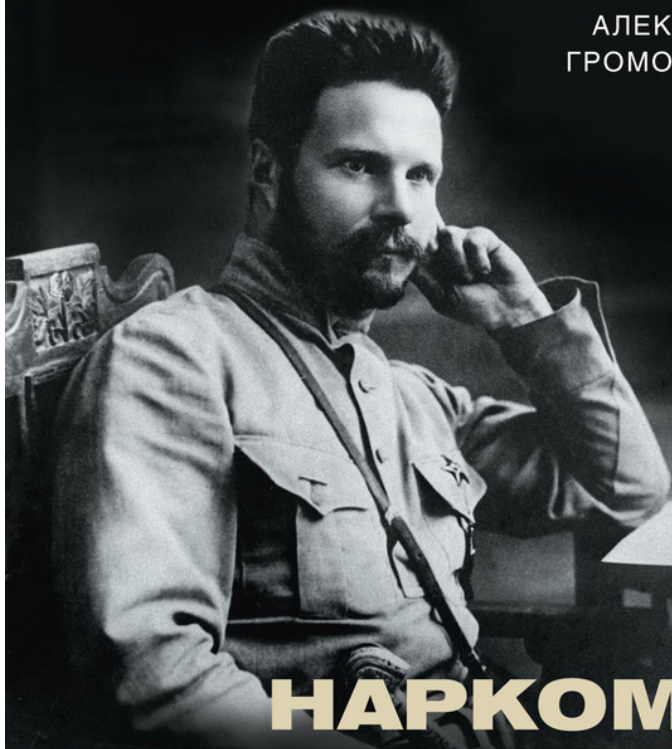

АЛЕКС
ГРОМОВ

НАРКОМ ФРУНЗЕ

ПОБЕДИТЕЛЬ КОЛЧАКА, УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ
И ВРАНГЕЛЯ, ПОКОРИТЕЛЬ ТУРКЕСТАНА,
ЛИКВИДАТОР ПЕТЛЮРОВЦЕВ И МАХНОВЦЕВ

Алекс Бертран Громов
Нарком Фрунзе. Победитель
Колчака, уральских казаков
и Врангеля, покоритель
Туркестана, ликвидатор
петлюровцев и махновцев

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24616876

*Нарком Фрунзе. Победитель Колчака, уральских казаков и Врангеля,
покоритель Туркестана, ликвидатор петлюровцев и махновцев:*

Центрполиграф; М.; 2017

ISBN 978-5-227-07490-4

Аннотация

Фрунзе обладал харизмой полководца, способного повести за собой армию, большой личной храбростью и решительностью. Он часто находился в гуще боя, возглавляя боевые порядки. Однако он был и талантливым организатором и политическим руководителем, умевшим наладить работу штабов и тыла в чрезвычайных условиях. Биография Фрунзе включает в себя и хронику первых мирных лет Советского государства, когда на смену отчаянным и бесшабашным красным

командирам приходило следующее поколение военачальников, соответствовавшее новым задачам советской власти и Красной армии. Это время предшествовало эпохе Сталина и во многом заложило ее фундамент.

Содержание

Предисловие	7
С дальнего рубежа империи	9
«На грани гениальности...»	9
«Отдаю всего себя революции...»	18
Кровавое воскресенье	24
Первые шаги на боевом пути	32
Под смертным приговором	42
«Самопожертвования не хочу»	49
Фрунзе в сибирской ссылке	51
Нелегал в Забайкалье	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

**Алекс Бертран Громов
Нарком Фрунзе.
Победитель Колчака,
уральских казаков и
Врангеля, покоритель
Туркестана, ликвидатор
петлюровцев и махновцев**

© А.Б. Громов, 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Предисловие

На протяжении всего существования Советского Союза Михаил Васильевич Фрунзе оставался одним из самых популярных героев Октябрьской революции и Гражданской войны. Молодой подпольщик, сражавшийся на баррикадах Пресни, приговоренный к смертной казни, узник каторжных тюрем... А потом гениальный полководец-самоучка, под чьим командованием войска Красной армии остановили Колчака, разгромили басмачей в Туркестане, форсировали залив Сиваш – практически перешли пешком море – и взяли штурмом Крым, последнюю цитадель армии барона Врангеля.

Взятие Крыма – блестящая сама по себе военная операция, она вдобавок быстро обросла легендами. Известны вполне достойные былины воспоминания, как старый рыбак из прибрежной деревушки показывал Фрунзе и красноармейцам брод через Сиваш, который-де местные жители сохраняли в тайне ото всех со времен еще запорожской вольницы. Есть и рассказы о том, что соленый Сиваш сохранил погибших тогда революционных воинов нетленными, и во время боев за Крым в Великую Отечественную они поднимались из воды с оружием, словно в полной боевой готовности.

Его биография включает в себя хронику революции,

Гражданской войны и первых мирных лет Советского государства, когда на смену отчаянным и бесшабашным красным командирам приходило следующее поколение военачальников, соответствовавшее новым задачам советской власти и Красной армии. Это время предшествовало эпохе Сталина и во многом заложило ее фундамент. В последние два десятилетия XX века, когда начались дискуссии о роли Октябрьской революции в истории России, Фрунзе оставался в центре внимания. Ведь он был одним из немногих видных деятелей первых лет советской власти и едва ли не единственным революционным полководцем, кто не был причастен к организации массовых репрессий и не оказался их жертвой.

В Советском Союзе именем Фрунзе называли города, улицы, заводы, корабли, школы. Его имя носила Военная академия, пришедшая на смену дореволюционной Николаевской академии Генштаба. До сих пор в нашей стране существуют музеи Фрунзе и выходят посвященные ему книги.

С дальнего рубежа империи

«На грани гениальности...»

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января (2 февраля) 1885 года в Пишпеке. Этот населенный пункт Туркестанского края получил статус города лишь на семь лет раньше появления в нем на свет будущего легендарного красного командарма. Да и первое упоминание об этом месте прозвучало к тому времени сравнительно недавно. В книге «Описание военных действий в Заилийском крае в 1860 году и журнал осады кокандской крепости Пишпек» говорилось: «Постоянно враждебные нам замыслы хокандцев, обнаруживавшиеся в подстрекании зачуйских киргизов к хищническим вторжениям в наши пределы, заставили корпусного командира Отдельного Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири, генерала от инфантерии Гасфорда представить на Высочайшее благоусмотрение предположение об экспедиции за р. Чу для разорения хокандских крепостей Токмака и Пишпека...»

В октябре 1862 года крепость взяли штурмом, а потом снесли. На ее месте в 1864 году установили казачий пикет, возле которого постепенно образовалось подобие базара, а потом и селение. Впоследствии Пишпек (Бишкек) носил имя

своего славного уроженца – город Фрунзе – и был в этом качестве столицей Советской Киргизии.

Родители революционного полководца были людьми, что называется, простого звания. «Я родился в 1885 г. в гор. Пишпеке, Семиреченской области, Туркестанского края. Отец мой по происхождению крестьянин Захарьевской волости, Тираспольского уезда, Херсонской губернии, – писал Фрунзе в автобиографии. – По национальности молдаванин. При поступлении на военную службу был отправлен в состав туркестанских войск. По окончании военной службы остался в Семиречье, где служил фельдшером. Мать моя из крестьян Воронежской губернии, переселившихся в 70-х годах в Семиречье. Получивши начальное образование в школе, я поступил в гимназию в гор. Верном, которую и окончил в 1904 г.».

...Маленькому Мише у себя дома часто приходилось слушать увлекательные рассказы о боевых походах русской армии, о героических подвигах русских солдат, о славных победах русского оружия. С таким же любопытством и интересом он наблюдал, как по улицам Пишпека маршировали роты, как обучали солдат. Все это накладывало особый отпечаток и на детские забавы мальчика. Из всех игрушек он предпочитал сабли, ружья, пушки. Он организовывал «сражения» со сверстниками, затевал различные военные игры. В них он

был изобретателен и ловок, проявлял смекалку, умел с одинаковым упорством и добиваться победы, и стойко переносить поражения. Интерес к военному делу сказывался также и при выборе литературы для чтения. Миша особенно увлекался книгами о войнах, о великих полководцах и их победах, о необычайных подвигах народных героев.

Павел Березов. «Михаил Васильевич Фрунзе»

1947 год

У Михаила был старший брат Константин и три младших сестры – Людмила, Клавдия и Лидия. Отец работал в аптеке, сумел обзавестись участком и построить дом. Мать, Мавра Ефимовна, занималась хозяйством и детьми. Михаил Фрунзе, как и его брат, подавали надежды с юных лет. Заметил это, например, преподаватель Пишпекского городского училища П.Д. Масленников. В апреле 1896 года он писал директору Вере́йской классической мужской гимназии М.В. Вахрушеву: «Милостивый государь Матвей Васильевич! Я очень прошу Вас принять в гимназию и устроить в общежитие двух мальчиков – Константина и Михаила Фрунзе. Один очень способный, другой – на грани гениальности...» Но здоровье главы семейства оказалось слабым, он умер в 1897 году, в возрасте едва за сорок. «Семья Фрунзе состояла из семи человек: отца – Василия Михайловича, матери – Мавры Ефимовны, сыновей – Константина и Михаила, дочерей – Клавдии, Люши и Лиды. Жили Фрунзе не

богато, скорее даже бедно, – писал С.А. Сиротский в книге 1956 года «Путь Арсения: биографический очерк о М.В. Фрунзе». – Несмотря на возможность быстро и легко заработать, Василию Михайловичу никак не удавалось выбиться из постоянной нужды. Он не принадлежал к тем людям, которые без стыда и совести обогащались, эксплуатируя и обманывая местное население. Это был человек безукоризненно честный и умный, с большим, добрым сердцем... Василий Михайлович мечтал дать своим сыновьям – Константину и Михаилу – высшее образование, дать образование и дочерям... Нужны были деньги. Несмотря на свою общительную, живую натуру, Василий Михайлович скрывал от людей свои заботы и огорчения. Ни с кем, даже с женой Маврой Ефимовной, не делился он своими затруднениями. Человек он был физически крепкий, выносливый, смелый охотник и отличный наездник. Но нужда изводила его, подтачивала здоровье. Прежнего удовлетворения не получал он уже ни от верховой езды, ни от охоты. Чувствовал, что силы слабеют. Мысль о том, что не успеет вывести своих детей на дорогу, все сильнее и сильнее угнетала его. В 1897 году Василий Михайлович умер. Ему было всего 45 лет от роду. Киргизы, называвшие его «ата-урусом» – «русским отцом», горько оплакивали его...»

Овдовевшая Мавра Ефимовна, ясно понимая, что шансы выбиться в люди для детей тесно связаны с возможностью получить образование, всячески старалась обеспечить

учебу детей. Сыновья учились в гимназии, дочери в Пишпекском женском городском училище. Но денег не хватало. Мавра Ефимовна написала датированное 28 февраля 1899 года прошение в Пишпекское общественное городское управление. «Двое наших детей, Константин и Михаил, обучаются в Веренской мужской гимназии, первый в седьмом, а второй в третьем классе. По наукам старший идет хорошо, а младший даже очень хорошо. Воспитание этих двух сыновей в гимназии и еще двух девочек, Клавдии и Людмилы, в женских училищах требует больших расходов, которые до сих пор покрывались со смерти мужа средствами, образовавшимися от продажи имевшегося в Пишпекке дома. Но теперь средства эти истощились. Вследствие всего вышеуказанного я теперь поставлена в крайне тяжелое положение. Сердце мое холодеет при мысли, что стеснительное материальное положение может стать причиной выхода моих детей из учебных заведений и вследствие этого они могут остаться без образования, столь необходимого в настоящее время всякому человеку для обеспечения своего существования.

В эту критическую минуту я решила обратиться к городскому управлению с усерднейшей просьбой прийти ко мне на помощь в деле воспитания детей во внимание многолетней службы мужа на пользу пишпекского общества. Вследствие вышеуказанного, представляя при сем свидетельства об учебных успехах Константина и Михаила, прошу городское управление, не признает ли оно возможным назначить

из городских сумм стипендию в размере от двух до трех сот рублей на содержание моих детей в гимназии и на приобретение учебников ежегодно впредь до окончания курса.

Если почему-либо нельзя будет дать стипендию на обоих детей, то покорнейше прошу отпустить двести рублей на содержание одного младшего сына Михаила в пансионе при гимназии на правах вольноприходящего».

Городское управление определило Михаилу Фрунзе стипендию в 120 рублей вплоть до окончания гимназии. Однако тема пособий на детей и в те времена была болезненной и вызывающей то подозрения, то зависть, то неумемную потребность добропорядочных граждан сигнализировать и разоблачать. В 1900 году, как пишет В.А. Рунов в книге «Фрунзе. Тайны жизни и смерти», Мавра Ефимовна «предприняла еще одно усилие по образованию детей – она перевела свою дочь Клавдию из Пишпекского городского женского училища в Веренскую женскую гимназию и сама с семьей переехала в Верный». И тут в вышеупомянутое городское управление поступило заявление о том, что вдова Фрунзе, во-первых, не бедствует, а во-вторых, получаемые на детей деньги тратит на себя. Заявление гласило: «Мавра Фрунзе в начале текущего 1900/01 года выехала со своей семьей в Верный, поместила там в Веренскую женскую гимназию для обучения дочь свою, что одно уже доказывает, что Фрунзе не нуждается в пособиях для сына-гимназиста». В результате Пишпекское городское собрание хоть и не единогласно,

но решило отказать Михаилу Фрунзе в продолжении выдачи стипендии, «ввиду того, что пособие это, насколько известно большинству городских уполномоченных, служит лишь средством к жизни для госпожи Фрунзе. Это подтверждается также и тем, что она назначенным в истекшем 1900 году единовременным пособием из городских сумм в 250 рублей, определенным в пользу ее сына Константина Фрунзе на переезд его в город Казань для поступления в университет, воспользовалась в свою личную пользу».

Однако за гимназиста Фрунзе вступилось Семиреченское областное присутствие. Там констатировали, что мальчик «до настоящего времени переходит из класса в класс с наградами, имея круглые пятерки по всем предметам», а потому вполне заслуживает стипендии. Старший брат окончил гимназию с золотой медалью, однако семья настолько бедствовала, что награду пришлось продать. Михаил тогда сказал, что он непременно тоже получит и отдаст ее брату. Действительно, он окончил гимназию круглым отличником и получил при выпуске такую награду. И уж эту медаль Мавра Ефимовна берегла, говоря, что у ее сыновей одна гимназическая золотая медаль на двоих, хотя каждый заслужил ее собственным усердием.

Михаил был не только усердным, но и проявлял живой интерес к окружающему миру и его изучению. Во время летних каникул 1903 года он вместе с одноклассниками отправился в экспедицию по изучению природы родного края. «... Что за

веселое время-то было! – писал он другу. – Мы объехали, во-первых, громадное пространство, были в Пржевальске, объехали озеро Иссык-Куль, затем перевалили Тянь-Шань, спустились к китайской границе, оттуда воротились в Нарын, из Нарына поехали на Сункуль – тоже озеро... а с Иссык-Куля – в долину Джунгал. С Джунгала – на Сусамырь, с Сусамыря – в Фергану к Андижану. Не доехав немного до Андижана, повернули в обратный путь. Ты, может быть, удивляешься тому, что я пишу «все объехали», между тем как мы отправились пешком. Но мы именно ехали, так как возле Костяка, по предписанию, нам дали лошадей, и мы с тех пор постоянно ехали верхом на переменных. В заключение – несколько цифр. Мы проехали около 3-х тысяч верст; ехали 68 дней; сделали 16 перевалов, в том числе 9 снеговых; из снеговых самый большой Тодор в Тянь-Шане, затем Ойчаны, Качены и Устор в Александровском хребте... Экспедиция наша увенчалась полным успехом. Мы собрали 1200 листов растений, 3000 насекомых; при этом заметь, что растения собирал я один... Коллекции мы уже отправили в Императорское географическое общество и Ботанический сад. А что за местности-то мы видели! Одна прелесть. Куле, вот где охота-то! Дичи гибель! Видал много волков, кабанов и всяких козлов. Вообще я очень доволен тем, как провел каникулы...»

Однако пора отрочества, пусть и омраченная бедностью и ранней утратой отца, но все же светлая, – заканчивалась. В

судьбе Михаила наступало суровое время.

«Отдаю всего себя революции...»

Начиная с 1904 до начала 1907 г. неоднократно подвергался арестам. В начале 1907 г. был арестован в гор. Шуе. Судился по обвинению в принадлежности к РСДРП (большевиков) и приговорен к 4 годам каторжных работ. Во время отбытия наказания был привлечен вновь по делу о вооруженном сопротивлении полиции. Был судим и приговорен к смертной казни. Ввиду полного отсутствия улик, явного нарушения ряда процессуальных форм приговор главным военным судом был кассирован и назначен новый суд. Судился вторично и вновь приговорен к смертной казни...

Михаил Фрунзе. Автобиография

В 1904 году Михаил Фрунзе, как золотой медалист, был без экзаменов принят на экономическое отделение Петербургского политехнического института. По его собственным словам, именно в студенчестве он впервые познакомился с революционными идеями и проникся ими. Студенты во все времена были склонны ко всякой левизне (даже когда такого слова еще не было) и радикализму. Но к началу XX века это было еще и модно с одной стороны, а с другой – социальных проблем в Российской империи накопилось так много, что почва для революционных увлечений и выступлений была

готова. Назревшие реформы, недостаток воли или желания у правящих кругов для того, чтобы их осуществить... Плюс неудачная война с Японией – она была запланирована как маленькая и победоносная, а обернулась тяжелыми боями, большими потерями и позорным поражением.

Позже советские историки дружно напишут о раннем приобщении М.В. Фрунзе к большевикам и делу революции. Возможно, это так и было. В 1904 году М.В. Фрунзе исполнилось всего 19 лет – возраст мечтателя и романтика, верящего в идеалы высшей справедливости. Каким-то образом он становится членом тайного марксистского кружка, слушает лекции партийных пропагандистов, много читает. Затем ему самому поручают вести занятия в одном из таких кружков...

Валентин Рунов. «Фрунзе. Тайны жизни и смерти»

Как именно будущий красный военачальник попал в указанный кружок – доподлинно не известно. Может, за компанию с кем-то из любопытствующих сокурсников, а может, и агитаторы постарались. Революционеры весьма интересовались студенчеством, как силой, склонной к радикальным выступлениям и легкой на подъем.

По крайней мере, нет свидетельств, что в гимназические годы Фрунзе проявлял интерес к марксизму. За исключением его собственных слов. В автобиографии Михаил Васильевич писал: «По окончании гимназии поступил в Петер-

бургский политехнический институт. Первое знакомство с революционными идеями получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования. С первого года университетской жизни вступил в социал-демократическую партийную организацию. В первоначальном студенчестве сразу же примкнул к большевистскому движению. С конца 1904 г. стал принимать активное участие в деятельности различных большевистских организаций».

Вполне может быть, что причиной обращения Фрунзе к революционной деятельности было его задержание полицией вместе с другими студентами. «В 1904 году основными формами политической борьбы революционные агитаторы считали демонстрации и забастовки, – пишет Руннов. – Демонстрации, организованные опытными активистами, нередко вовлекали в свои ряды многих случайных людей, которые затем и становились жертвами полиции. Вполне возможно, что в рядах демонстрантов юный студент М.В. Фрунзе оказался случайно, возможно, он пришел туда сознательно. Но факт в том, что во время одной из антиправительственных демонстраций, состоявшейся 28 ноября 1904 года на площади Казанского собора, Михаил Васильевич впервые был задержан полицией».

Его продержали под арестом две недели и выпустили, не найдя заметных улик. Но – предписали уехать из Санкт-Петербурга в город Петровск Саратовской губернии и там жить под надзором полиции. Из Политехнического института он

был исключен. А учитывая, что в тюрьме он находился в одной камере с более опытными сторонниками революции... В общем, власти сами сделали все, чтобы подтолкнуть юношу на революционную стезю.

Извини, Костя, что я долго не отвечал тебе. Но ты не поверишь, что у меня положительно нет времени писать письма; сейчас у нас идет сильное брожение, да и не только у нас, но и во всех слоях общества; в печати теперь пишут так, как никогда не писали; везде предъявляются к правительству требования конституции, отмены самодержавия; движение очень сильно. Не нынче так завтра конституция будет дана; не дадут в этом году, дадут в следующем. 6 ноября в Петербурге было назначено заседание представителей от всех земств; это заседание, хотя и не было разрешено правительством, все-таки состоялось и выработало программу, исполнения которой потребует у правительства. Между прочим, § 1 этой программы включает требование созыва учредительного собрания для выработки им конституции. Сейчас среди студенчества и рабочих, а также среди частных лиц идут приготовления к грандиозной манифестации; ряд частичных демонстраций уже был как у нас в Питере, так и в других городах, но это только не что иное, как прелюдия к самому главному, которое имеет быть в начале декабря.

Вчера был устроен вечер в здании института, была масса народу, профессоров, студентов, курсисток и вообще всякой публики; после вечера собралась сходка, на которой присутствовало свыше 2 тысяч человек. В этой сходке было решено вверить руководство главному комитету социал-демократической партии. От него в нужный момент и пойдут приказания. Я принялся за устройство Семиреченского землячества; дело идет на лад.

Через неделю у нас соберутся все верненцы, которые только находятся в Питере, курсистки и студенты. Тогда окончательно обсудим и вырешим все. В это землячество должны вступить не одни петербуржцы, но и вообще все верненцы, находящиеся в университетах России, так что землячество обещает быть грандиозным. Сейчас написал письма в Москву, Одессу и Казань, чтобы узнать отношение тамошних наших студентов к этому вопросу, думаю, что их отношение будет безусловно благоприятно. Землячество первой целью будет иметь взаимную поддержку, для чего будет образована касса взаимопомощи; эта цель самая главная, но, конечно, не она одна имеется в виду...

Михаил Фрунзе

15 ноября 1904 года

Фрунзе из Питера уехал, но лишь ненадолго. Потом вер-

нулся, переселился к приятелю и перебивался случайными заработками. И помогал товарищам, с которыми познакомился в тюрьме.

Кровавое воскресенье

А потом грянуло Кровавое воскресенье. О том, почему идея подачи мирной петиции о рабочих нуждах обернулась кровью и беспорядками, переросшими в первую революцию, историки спорят до сих пор. Кто виноват – Георгий Гапон или петербургский градоначальник Фуллон, министр внутренних дел князь Святополк-Мирский или его оппоненты в вопросах реформ Коковцов и Победоносцев, сам император Николай II или безымянные боевики-provokatory, по некоторым утверждениям, первыми начавшие стрелять по солдатам?.. Как бы то ни было, факт остается фактом – на питерские мостовые пролилась кровь безоружных простых людей, которые с хоругвями и молитвенным пением шли к царскому дворцу просить государя о помощи, об облегчении их тяжелой жизни...

Известный художник Валентин Серов оказался невольным свидетелем трагических событий: «То, что пришлось видеть мне из окон Академии художеств 9 января, не забуду никогда – сдержанная, величественная, безоружная толпа, идущая навстречу кавалерийским атакам и ружейному прицелу, – зрелище ужасное».

И меня пропустили через Полицейский мост между шеренгами солдат. Они в этот момент заряжали ружья. Офицер крикнул извозчику:

«Сворачивай направо». Извозчик отъехал на несколько шагов и остановился. «Похоже, стрелять будут!» Толпа стояла плотно. Но не было рабочих. Была обычная воскресная публика. «Убийцы!.. Ну, стреляйте же!» – крикнул кто-то. Рожок заиграл сигнал атаки. Я приказал извозчику двигаться дальше... Едва мы свернули за угол, послышался выстрел, сухой, несильный звук...

Максимилиан Волошин

12 января П.Б. Струве опубликовал в либеральном журнале «Освобождение», редактором которого он являлся, статью «Палач народа». Текст ее был эмоциональным и яростным: «Народ шел к нему, народ ждал его. Царь встретил свой народ. Нагайками, саблями и пулями он отвечал на слова скорби и доверия. На улицах Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народом и этим царем. Все равно, кто он, надменный деспот, не желающий снизойти до народа, или презренный трус, боящийся стать лицом к лицу с той стихией, из которой он почерпал силу... После этого мы не будем с ним говорить. Он сам себя уничтожил в наших глазах – и возврата к прошлому нет. Эта кровь не может быть прощена никем из нас».

Сам император Николай II отмечал в дневнике в день расстрела шествия: «В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желания рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города,

было много убитых и раненых. Господи, как больно и тяжело!»

Но подавляющее большинство тех, кто высказывался о трагических событиях, возлагали вину именно на императора. Даже убежденные монархисты. Барон Врангель, отец того самого Врангеля, с которым Фрунзе выпадет сражаться в Крыму, с горечью записывал тогда: «Одно мне кажется несомненным: выйди государь на балкон, выслушай он так или иначе народ, ничего бы не было, разве то, что царь стал бы более популярен, чем был... Как окреп престиж его прадеда, Николая I, после его появления во время холерного бунта на Сенной площади! Но царь был только Николай II, а не Второй Николай».

И если так высказывались верные и преданные сторонники престола, то уж революционеры в выражениях не стеснялись вовсе. Ленин уже 18 января опубликовал в газете «Вперед» (выходившей в Женеве) статью «Начало революции в России», полную призывов к свержению существующей власти. «Теперь вряд ли возможны сомнения в том, что правительство умышленно давало сравнительно беспрепятственно развиваться стачечному движению и начаться широкой демонстрацией, желая довести дело до применения военной силы, – писал Владимир Ильич. – И оно довело до этого! Тысячи убитых и раненых – таковы итоги кровавого воскресенья 9 января в Петербурге. Войско победило безоружных рабочих, женщин и детей. Войско одолело неприятеля, расстре-

ливая лежавших на земле рабочих...»

Профессор Гарвардского университета, автор обширного труда «Русская революция» Ричард Пайпс указывал в своем исследовании, что именно 9 января распространило революционные побуждения на широкие массы. Причем – стремительно, ведь еще за неделю до трагических событий тот же Струве сетовал, что в России нет революционного народа.

В 1904 году народные массы еще сохраняли спокойствие, революционные требования к правительству предъявляла только образованная элита – студенты и другая интеллигенция, а также помещики-земцы. Основные настроения были либеральными, то есть «буржуазными». И социалисты в этих событиях были лишь на второстепенных ролях агитаторов и террористов. Основная масса населения – крестьяне, а также и рабочие – наблюдали политические столкновения со стороны... Пассивность народных масс вдохновляла правительство, так сказать, не уступать своих позиций без боя... Но 9 января, в день расстрела рабочей демонстрации в Петербурге, положение драматически переменялось. С этого дня, вошедшего в историю под именем «Кровавого воскресенья», революционный пламя разнеслось по всем слоям населения, превратив революцию в явление массовое...

Ричард Пайпс. «Русская революция»

Власти попытались исправить ситуацию. От имени императорской четы были выделены 50 тысяч рублей в помощь раненым и семьям погибших. Спешно организовали для группы благонадежных рабочих аудиенцию у императора. Но произнесенная на этом мероприятии и опубликованная в печати царская речь оказала обратный ожидаемому эффект. Слова «Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их Мне, а потому прощаю им вину их» были восприняты как насмешка над погибшими и пострадавшими – сперва, мол, велит стрелять по людям, а потом их же и прощает...

После этого остановить революцию было уже невозможно. Русское общество, и без того наэлектризованное, взорвалось возмущением. Записанная Владимиром Бонч-Бруевичем песня на стихи неизвестного автора отражает это настроение:

...Мы мирно стояли пред Зимним дворцом,
Царя с нетерпеньем мы ждали,
Как вдруг между нами и царским крыльцом
На ружьях штыки заблистали.

И рота за ротой, все супротив нас,
Вмиг фронтом развернуты были,
Направили дула нам в лица как раз
И в грозном молчанье застыли...

Так тихо, так жутко. Вдруг слышится «пли!».
Опомниться мы не успели,
Свалились уж многие на снег в крови,
За залпом же залпы гремели.

И ужас объял нас. Безумно крича,
Мы с страшного места бежали...

Неизвестный автор стихотворения далее описывает, как смятение и ужас превращаются в ярость, суля неистовые потрясения ради справедливого возмездия:

И грозно толпа заревела кругом;
Рабочие, вскинувши руки,
Клялися побиться с венчанным врагом,
Отмстить за страданье и муки.

Тот клич по стране прокатился волной,
Набатом звучал он в народе:
В столицах, в глуши деревеньки родной
Раба пробудил он к свободе.

И красное знамя взвилось, как маяк.
Звучат «Марсельезы» напевы.
Студент бросил книгу, рабочий – верстак,
И пахарь забросил посевы.

Многие советские авторы описывали молодого Фрунзе

как активного участника митингов, предшествовавших Кровавому воскресенью. Часто его изображали не только как прекрасного оратора, но и как человека, который с самого начала выступал против инициативы Гапона, предупреждая, что добром это не кончится. Описано, как на одном из митингов на Выборгской стороне, на заводе «Промет» в Тихвинской улице, Фрунзе попросил слова после Гапона и сказал: «Я – студент. Ни в какой партии не состою. Имя мое Михаил, а фамилию не скажу. Как говорит отец Георгий, Господь Бог знает мою фамилию, а полиция пускай останется в неведении: мне еще учиться надо!» Слушатели одобрительно посмеялись с полным пониманием, и будущий герой Гражданской войны произнес такую речь: «Добрых царей я не знаю. Римский император Нерон забавлялся тем, что кидал на растерзание львам первых последователей Иисуса Христа. Королева прекрасной Франции Екатерина Медичи, правившая за своего сына Карла Девятого, не шевельнула рукой в ту короткую августовскую ночь святого Варфоломея, когда ее католики очень ловко вырезали тридцать тысяч гугенотов. Русский император Николай Первый без содрогания повесил на валу Петропавловской крепости декабристов: Пестеля, Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина и Каховского. Миротворец Александр Третий казнил Перовскую, Желябова, Кибальчича, Ульянова. Николай Второй каждодневно ссылает передовых людей в места отдаленные: у нас, в Семиречье, на каждой улице по

ссылному. А виноваты они только в том, что желали вам добра. Господин Гапон забивает нам голову детскими сказками. Царь не потому зол на революционеров, что он вампир. Он главный помещик России, и всякое потрясение основ империи касается лично его, а потом уж его сановников. Богатые никогда по доброй воле не делятся благами с бедными – не мне вас учить! Отнять у них все добытое вашими руками – это иное дело! А клянчить да плакать, ей-богу, – это удел побирушек, а не рабочего класса!..»

Так оно было или нет, но в те дни Михаил Фрунзе был в Петербурге, и события 9 января его потрясли. 15 марта 1905 года он написал матери: «Милая мама! На мне, пожалуй, должна ты поставить крест... Потоки крови, пролитые 9 января, требуют расплаты. Жребий брошен, Рубикон перейден. Отдаю всего себя революции...» Но поскольку кипели и бушевали почти все слои населения, причем массово, то полиции оказалось не до того, чтобы помнить о высылке Фрунзе в Поволжье и необходимости его туда препроводить и держать там под надзором.

Первые шаги на боевом пути

Из Питера Фрунзе уехал в Москву, а потом – в город Иваново-Вознесенск. Уже в качестве начинающего, но все же профессионального революционера.

В начале 1905 г. стал работать в Иваново-Вознесенском промышленном районе. Был одним из организаторов и руководителей известной стачки текстильщиков в 1905 г., охватившей весь промышленный Иваново-Вознесенский район. Был делегатом IV (Объединительного) съезда РСДРП в Стокгольме от Иваново-Вознесенского комитета. Был организатором Иваново-Вознесенской окружной организации, а затем Иваново-Вознесенского союза РСДРП, охватывающего как городскую Иваново-Вознесенскую организацию, так и весь Иваново-Вознесенский промышленный район (Иваново-Вознесенск, Шуя, Кинешма, Тейково, Родники, Юрьево, Южа и пр.).

Михаил Фрунзе. Автобиография

Там существовала многочисленная ячейка РСДРП, численностью свыше 400 человек. Условия для революционной агитации тоже были более чем благоприятные – большие фабрики, много рабочих, тяжелые условия труда, скудная оплата. Забастовки уже стали обычным делом.

В Иванове тогда была популярна песня:

Нагайка ты, нагайка,
Тобою лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной!

Нагайкой не убита
Живая мысль у нас.
Уж скоро паразитам
Придет последний час!

Валентин Рунов особо выделял наполненный значимыми событиями иваново-вознесенский период жизни и деятельности М.В. Фрунзе, который длился около полутора лет, с 6 мая 1905 до окончания 1906 года. Фрунзе прибыл в Иваново-Вознесенск в возрасте двадцати лет. В городе его встретили местные члены партии, революционеры-подпольщики. В тот период он был еще молодым неопытным студентом, не закончившим свое обучение. Михаила Фрунзе разместили сразу на частной квартире и в целях безопасности дали конспиративную кличку Трофимыч. С этого момента Фрунзе начал свою революционную деятельность. В дни его появления в городе как раз прошли рабочие забастовки, и это помогло ему лучше понять происходящее. Забастовки были очень обширными, потому что в них участвовали служащие двух больших фабрик, и подтверждением этому служи-

ла необычная тишина, охватившая ранее громко гудевшие фабричные строения.

Далее началась прогремевшая на всю страну, грандиозная Иваново-Воскресенская стачка. Ее начало пришлось на 12 мая 1905 года, и она продлилась целых 72 дня, участниками стали 70 тысяч рабочих текстильных производств.

То, что произошло за три дня, не поддается описанию. Невиданная картина событий, рабочие – как звери. Я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось. У наших нет единого мнения. Мое честное убеждение – надо поскорей идти на небольшие уступки рабочим требованиям. Нам угрожают колоссальные убытки. Две партии непромытого вареного товара преют в котлах. В красильне – мокрые ролики. Мне известно из недостоверных источников, что руководители забастовки – люди приезжие, с образованием. Руководят хлестко. Чувствуется в городе двоевластие. Рабочие не хотят договариваться на своих фабриках, выставляют общие требования.

Николай Бурьлин, текстильный фабрикант

Кстати, с семейством Бурьлиных будет в дальнейшем связан один эпизод из жизни Фрунзе. Один из братьев-фабрикантов – Дмитрий Геннадьевич Бурьлин – был не только фабрикантом, но и коллекционером, создавшим в Ива-

ново-Вознесенске музей произведений искусства и исторических редкостей. После революции предприятия в городе были национализированы, но по настоянию Михаила Фрунзе Дмитрий Бурылин был назначен на должность хранителя созданного им музея. Это, конечно, не избавило одного из семьи текстильных королей от бедствий, но хоть немного смягчило их, позволив ему также поддерживать семью брата Николая.

Но до этого было еще далеко.

Местный губернатор писал министру внутренних дел: «12-го сего мая в городе Иваново-Вознесенске забастовали рабочие на всех фабриках. Рабочие держат себя беспокойно, вследствие чего мною сего числа выслан один батальон нижних чинов от квартирующих во Владимире войск...»

Революционеры отвечали губернатору своим, весьма грозным посланием: «Совет рабочих депутатов города Иваново-Вознесенска протестует против вашего запрещения сбора рабочих на Талке. Вы потворствуете фабрикантам в стачечной борьбе, оказывая им всякую помощь, чтобы сломить решимость рабочих. До сих пор ни одно законное требование не удовлетворено. Рабочие голодают вот уже месяц. Вы расстреляли рабочих на реке Талке, залили ее берега кровью. Но знайте, кровь рабочих, слезы женщин и детей перенесутся на улицы города, и там все будет поставлено на карту борьбы. Мы заявляем, что от своих требований не отступим. Вот воля рабочих города Иваново-Вознесенска. Ждем

немедленного ответа по телеграфу. Совет рабочих депутатов».

Много лет спустя Михаил Васильевич Фрунзе дал такую характеристику той стачки и ее лидеров: «Идейное и организационное влияние Иваново-Вознесенской группы РСДРП было очень велико. Во всем объеме оно сказалось на всеобщей стачке, начавшейся, кажется, 12 мая. С первых же шагов стачечное движение, охватившее около 60 000 рабочих различных городских предприятий, приняло удивительно стройный и организованный вид. После первого грандиозного митинга перед Думой, приведшего в неопишуемый страх как местную буржуазию, так и всю полицию, происходит общее собрание бастующих за городом у речки Талки, где рабочие по предложению социал-демократов разбились на фабрики и создали Совет рабочих депутатов... Нет никакого сомнения, что иваново-вознесенская летняя стачка дала богатейший политический и организационный материал, который после и был надлежащим образом использован при создании Петроградского, а затем Московского и других советов. Вот, стало быть, к какому времени относятся еще корни нынешней Советской организации в Иваново-Вознесенске. Работа, проделанная партией в смысле политического воспитания рабочей массы, за время стачки была колоссальна. Надо сказать, общий культурный уровень иваново-вознесенского пролетариата был чрезвычайно низок. Несмотря на колоссальные богатства, скапливающиеся в руках fabri-

кантов от эксплуатации труда рабочих, город по постановке народного образования занимал во всей России одно из последних мест, ибо буржуазная городская дума не уделяла ему никакого внимания...»

Подпольщики организовывали не только забастовки. Они также планировали региональные восстания, в том числе вооруженные. Это стало основной областью деятельности Фрунзе. Рунов писал так: «Дружины совершали нападения на полицейских и жандармов. Известно, что для вооружения этих дружин лично Михаил Фрунзе добыл 6 винчестеров, около 10 браунингов, несколько револьверов системы «Смит-Вессон» и «Бульдог» – всего около 30 единиц огнестрельного оружия, которое тут же было роздано боевикам из числа рабочих».

Тогда Михаил подружился с Павлом Гусевым, известным под кличкой Химик – что соответствовало его специализации, он делал бомбы. В ходе забастовки, которая была организована и прервана 1 июля, полиция, конечно, стремилась выявить и агитаторов, и тем более представителей боевого крыла. По решению партийной ячейки Фрунзе, уберегая от ареста, перевели в другой город, неподалеку – в Шую.

Обстановку в рабочей Шуе Фрунзе впоследствии вспоминал с восхищением: «Приходится поражаться той колоссальной энергии и той жажде знания, которые проявлялись передовыми рабочими. Занятые большую часть дня тяжелой работой, живя и питаясь самым невозможным образом, они

находили достаточно сил для посещения нелегальных митингов, лекций, пропагандистских кружков, организационных заседаний. И все это происходило в обстановке постоянной опасности быть схваченными, избитыми и даже убитыми. Собирались и в дождь, и в снег, в лесу, в сараях, в овинах и пр... Великое незабвенное время всеобщего энтузиазма и порыва!..» Тогда он вместе с группой товарищей захватил полицейский арсенал на одной из ближайших станций и организовал боевую дружину из местных рабочих. Они даже учились стрелять – благо Шуя окружена лесами, есть где укрыться. Но все же полиция узнала об этом, и Фрунзе снова пришлось скраться из города. Он отправился в Казань, где участвовал в партийной конференции.

Вернувшись обратно, он в конце октября был арестован.

В эту ночь Трифоныч, находясь по партийным делам в Иваново-Вознесенске, отправился за город, в лес, на тайное собрание. С ним шли еще два партийца. Вдруг из засады выскочили на конях казаки и полицейские. Не успел Трифоныч выхватить револьвер, как был окружен, обезоружен и зверски избит. Затем один из казаков накинул на шею Трифоныча аркан, привязанный к седлу, и поскакал. За ним вынужден был бежать Трифоныч. Петля душила. Спасаясь, он схватил веревку руками, чтобы она не сдавила шею еще туже, и пытался поспеть за скакавшей лошадей. Но было трудно.

Спотыкаясь, он не раз падал в грязь, поднимался и вновь бежал. Казак же захотел еще более поиздеваться над своей жертвой. Поравнявшись с решетчатым палисадником, он осадил коня и приказал арестованному залезть на изгородь. Предполагая, что казак хочет посадить его с изгороди к себе на коня, обессиленный Трифоныч с трудом взобрался на забор. В этот момент казак стегнул лошадь нагайкой, и та рванулась. От неожиданности Трифоныч не успел высвободить свои ноги из решетки: они там застряли и вытянулись в мучительном напряжении. Трифоныч почувствовал, как что-то хрустнуло в коленке левой ноги, нестерпимая боль пронзила всего, и он потерял сознание.

Павел Березов. «Михаил Васильевич Фрунзе»

1947 год

Предполагалось этапировать Фрунзе в Казань. Однако он и арестованные с ним товарищи при помощи тех, кто остался на воле, начали кампанию по привлечению внимания к судьбе схваченных партийцев. Уже 2 ноября от имени студента Санкт-Петербургского политехнического института Михаила Фрунзе, студента Московского сельскохозяйственного института Андрея Бубнова и мещанина города Иваново-Вознесенска Петра Волкова товарищу прокурора Владимирского окружного суда было подано заявление: «29 октября с. г. вечером мы, нижеподписавшиеся, были задержаны нарядом

полицейских с казаками и приведены на чембурах в Ямскую арестантскую, где и подверглись истязанию со стороны ведущих нас казаков и находившихся в арестантской городских (не всех). Нас били перед входной в коридор дверью, в коридоре и в камере, причем били кулаками (всех), нагайками (всех), поленом (Фрунзе и Волкова), таскали за волосы (Бубнова), топтали и били ногами (Волкова и Бубнова). Доведя все эти факты до вашего сведения, мы заявляем, что никакого сопротивления с нашей стороны не было, что господин надзиратель сидел в то время наверху и не мог не слышать криков истязуемых, но никаких мер для прекращения истязания не предпринял, и требуем расследовать это дело, подвергнуть виновных следуемому по закону наказанию...»

Из тюрьмы Фрунзе сумел бежать и нелегально вернуться в Шую. 7 декабря 1905 года в Москве началось вооруженное восстание. Фрунзе вызвался привести на помощь московским рабочим боевую дружину из Шуи. Предложение было принято, и двадцатилетнего Фрунзе назначили командиром революционного отряда, который впоследствии сражался во время боев на Пресне.

Восстание в Москве было подавлено властями. Однако Фрунзе участие в нем обеспечило высокую репутацию в партийных кругах, несмотря на молодость. В апреле 1906 года Фрунзе отправился в Стокгольм на IV съезд РСДРП в качестве делегата от иваново-вознесенской партийной организации. Там самый молодой делегат лично встретился с Ле-

ниным, Ворошиловым, Калининым... Вернулся он признанным и убежденным революционером-марксистом, вдобавок уважаемым в партии человеком с боевым опытом борьбы.

Под смертным приговором

В начале 1907 года революционеры-марксисты решили использовать возможности легальной борьбы, но для этого им требовалось провести своих депутатов во II Государственную думу. Способы в этой легальной борьбе применялись далеко не всегда законные. 17 января 1907 года Фрунзе со своими вооруженными людьми захватил в Шуе частную типографию Лимонова и заставил тамошних рабочих (а возможно, их и не требовалось особо заставлять, но нападение и принуждение защищало их самих от обвинения) отпечатать предвыборную листовку. На следующий день Иваново-Вознесенск и окрестности были наводнены воззваниями, которые были разбросаны по фабричным цехам и расклеены на афишных тумбах: «Граждане избиратели! Если вы сочувствуете делу освобождения России, если вы хотите, чтобы крестьяне получили землю, рабочий класс добился 8-часового рабочего дня и других улучшений, чтобы весь народ получил свою волю, то голосуйте за социал-демократов, членов рабочей партии!...»

Но блестящая вылазка вскоре – 24 марта – обернулась арестом Фрунзе и его соратника Гусева. У Фрунзе нашли оружие и запрещенную литературу, а главное – смогли предъявить ему обвинение в попытке убийства полицейского урядника Перлова. После этого ареста Фрунзе писал:

«Что касается нашего физического состояния, то мы оба находимся в вожделенном здравии, если не считать... некоторых изменений, происшедших с моей физиономией: изменения эти сводятся, во-первых, к тому, что 2 зуба отказываются до сих пор занять предназначенное им природой место и выполнять predeterminedенные судьбой обязанности (причиной этого прискорбного обстоятельства по объяснению одного стражника было его задушевнейшее желание утереть мой разбитый нос своими перстами), а во-вторых, легонького раздвоения моего благородного носа на 2 части под влиянием далеко не благородного прикосновения ружейного приклада». При этом он стремился демонстрировать бодрость духа, сообщая о подробностях обвинения – «всего по следующим статьям: 126-й (1-й и 2-й пункты), 127, 129, 103, 132-й и еще какой-то. Словом, целая серия; хватит с меня. Особенными «приятностями» улыбается мне 2-й пункт 126-й ст. (принадлежность к боевой организации и руководство боевыми выступлениями); тут пахнет военно-окружным судом и каторжными работами».

Оставшиеся на свободе товарищи немедленно организовали стачку, требуя освободить Фрунзе и утверждая, что он арестован исключительно по политическим мотивам. «Шуйские рабочие... – писал А.С. Бубнов, – два раза пятнадцатитысячной массой подходили к тюрьме, где сидел тогда Арсений, для того чтобы его освободить».

Исправник Лавров телеграфировал во Владимир губер-

натору: «Шуе арестован агитатор Арсений. Все фабрики стали... ожидаю столкновений... Необходимо немедленное подкрепление...» Губернатор докладывал министру внутренних дел: «Шуе забастовали фабрики вследствие ареста агитатора». Опасаясь беспорядков, власти спешно перевели Фрунзе во Владимир в тамошнюю печально знаменитую тюрьму. «Арсений был прост и доступен для каждого, если не чувствовал в нем врага или подлеца, – вспоминал Н. Растопчин. – Под внешним спокойствием в нем чувствовалась большая сдерживающая энергия... Арсений как-то естественно поднялся на руководящую роль в нашей тюремной среде и стал признанным представителем всех политических заключенных».

В ходе следствия все обвинения были подтверждены. 27 января 1909 года состоялся суд. За покушение на полицейского урядника, причем в момент, когда был введен режим «усиленной охраны», был оглашен приговор: «Лишить всех прав состояния и подвергнуть смертной казни через повешенье». Под давлением общественности этот приговор был отменен.

Революционер И.А. Козлов вспоминал о том, как в то время на фоне постоянной борьбы заключенных за улучшение режима содержания и соблюдение их прав столкнулись Фрунзе и новый начальник тюрьмы Гудима, известный своей жестокостью:

«Раздалась необычная для нас команда:

– Смирно! Шапки долой!

Мы громко засмеялись и продолжали заниматься своим делом.

Гудима рассвирепел.

– Вызвать солдат! – приказал он.

Когда солдаты пришли во двор, Гудима дал команду:

– Ружья на прицел!

Защелкали затворы винтовок. Мы бросились в разные стороны и попрятались за стены корпуса. На опустевшей площадке перед солдатами остался один Арсений. Выставив больную ногу несколько вперед, он бесстрашно глядел на тюремщиков, готовый принять смерть, но не отступить ни на шаг.

– Кто это? – спросил Гудима.

– Это Фрунзе! – ответил помощник начальника.

– А-а, знаю! – со злорадством воскликнул Гудима. – В него стрелять не нужно. – И ушел в сопровождении своей свиты.

Этот палач, прославленный зверскими расправами с политическими заключенными в питерской пересыльной тюрьме, видимо, уже знал, кто такой Фрунзе и какая судьба его ждет».

Чтобы выручить Фрунзе, соратники нашли врача, который сочувствовал революционерам и вызвался засвидетельствовать под присягой, что обвиняемый в день покушения на урядника на самом деле был у него на приеме в подмос-

ковных Химках.

Это была внешняя часть кампании по спасению товарища. В то же самое время бойцы из дружины Фрунзе нашли единственного свидетеля, который подтверждал, что именно он пытался убить урядника Перлова, и, пригрозив тому смертью, вынудили отказаться от прежних показаний. Дело было пересмотрено, но все равно 23 сентября 1910 года обвиняемым вновь был вынесен смертный приговор.

Фрунзе написал после своего первого смертного приговора стихи:

Северный ветер в окно завывает,
Зданье тюрьмы все дрожит,
В муках отчаянья узник рыдает.
Вот ему грезится образ любимый, —
Тихо склонилась с улыбкою милой,
Мягко коснулась рукою чела:
«Спи, моя детка, спи, мой любимый, —
Слышит он голос родной, —
Скоро конец всем мученьям, родимый,
Скоро, уж скоро ты будешь со мной».
Северный ветер все свирепеет,
Хочет он крышу сорвать,
Мертвого лик на подушке белеет,
Больше не будет страдать...

После второго смертного приговора Фрунзе был заключен в одиночную камеру. По его собственным воспоминани-

ям, в тот момент он решил, что до казни осталось немного: «Утром, часов около шести, как всегда это делалось в тюрьме, меня должны были повесить. Надежды на отмену приговора не было почти никакой. Бежать невозможно. И не медля, так как время приближалось к роковому концу, я решил-ся хоть под конец уйти из рук палачей. По крайней мере, повесить им себя не дам, сам повешусь, пускай найдут труп... И стал готовить из простыни веревку».

Спасти Михаила удалось его сестре, которая обратилась за помощью к профессору М.М. Ковалевскому: «Брат мой, Михаил Васильевич Фрунзе, студент политехнического института, экономического отделения, 22 сентября этого года был, несмотря на его невиновность в предъявленном ему преступлении, вторично приговорен к смертной казни военным судом в городе Владимире. Теряя всякую надежду на его спасение, я решила обратиться к Вам, не откажите в Вашем ходатайстве перед главнокомандующим войсками Плеве о возможности смягчения его участи. Умоляю Вас дать Плеве от Совета профессоров возможно хорошую аттестацию брата как студента. Это будет иметь значение при рассмотрении дела главнокомандующим, когда оно поступит к докладу. Не откажите ради бога в своем участии...»

Ковалевский вместе с коллегами написал письмо в защиту Фрунзе не только Плеве, но и премьер-министру Столыпину. А Людмила Фрунзе сумела добиться приема у Плеве и уговорить того помиловать ее брата. Смертный приговор

заменяли на 6 лет каторги.

После перевода в провинциальную каторжную тюрьму Михаил трудился садовником, огородником, занимался изготовлением ведер и кастрюль, чинил самовары. «Я ведь чем, чем только не был на каторге, – писал Фрунзе из Николаевской тюрьмы. – Начал свою рабочую карьеру в качестве столяра... а в настоящее время занимаюсь починкой водопроводов...»

Пребывание в каторжных тюрьмах подорвало здоровье «товарища Арсения». Скучная и тяжелая пища, в основном черный хлеб и кислая капуста, то и другое – не лучшего качества, пребывание в камере без притока свежего воздуха в жару (окна открывать запрещалось) или в холоде и сырости зимой. Немалый вред причиняла и едкая пыль, каторжанам приходилось целыми днями разбирать и чинить мешки изпод муки или раздергивать на волокна для переработки старые пеньковые канаты.

«Самопожертвования не хочу»

При этом Михаил Фрунзе, хоть и поглощенный делами революции и несмотря на тяжкие испытания, оставался молодым человеком с пылким сердцем. Товарищи говорили, что Арсений вовсе не сухарь. Испытывал он симпатию к соратникам по борьбе, был увлечен красавицей-гимназисткой Леночкой Грабинской. Не унывая и под стражей, он в один день написал сразу трем девушкам, учившимся в женской гимназии, приглашая их на свидание – «я вас всех люблю». Две приехали к узнику, чтобы хоть как-то скрасить его одиночество. Он попросил о свидании с обеими девушками, но тюремное начальство объяснило, что по закону он имеет право видеться только с невестой или женой. Поэтому надо венчаться – тогда пожалуйста. Но пойти на брак, даже фиктивный, – ради свидания?

Теперь я положительно не знаю, что делать: с 1-й стороны, хочется иметь свидание, а с другой – самая мысль о браке, даже формальном, кажется для меня прямо чем-то чудовищным. И выходит, что я рассуждаю в данном случае по рецепту щедринских персонажей: «С 1-й стороны, нельзя не сознаться, а с другой – нельзя не признаться». Ничего не попишешь, приходится в этакое одежке побывать. Меня смущает то, что брак наложит на нас целый ряд пут (по

отношению, напр., к школе, государству и т. д., вообще во всех этих проклятых житейских отношениях, правда мелочных, но тем не менее всегда в высокой степени чувствительных). Не подумайте, что я сейчас рассуждаю чисто эгоистически, ничуть не бывало. Наоборот, мои собственные удобства занимают тут самое последнее место, если только вообще они его занимают; мне страшно будет тяжело сознавать, что из-за меня

Вы наложите на себя цепи, которые потом будут до известной степени себя давать чувствовать. Тут имеется элемент самопожертвования, я его не хочу. Нужно быть отъявленным эгоистом, чтобы согласиться на такую комбинацию.

Михаил Фрунзе

Проживая после бегства в Чите по фальшивым документам, Фрунзе работал в статистическом отделе Забайкальского переселенческого управления. Там он познакомился с дочерью ссыльного народовольца Алексея Поликарповича Колтановского – Софьей, ставшей его женой.

Фрунзе в сибирской ссылке

В заключении он находился во Владимирском центральном, в Николаевской центральной и в Александровской центральной каторжных тюрьмах. В конце 1914 года был выслан на поселение в Верховенский уезд Иркутской губернии. Летом 1915 года его уже там арестовали за продолжение партийной деятельности. «Война всколыхнула и заинтересовала всех ссылных Манзурки. Но в то время как большинство из них судило о военных событиях поверхностно, часто ошибаясь, Фрунзе удивлял своей большой осведомленностью. Он хорошо знал боевую обстановку армий воюющих стран, их снаряжение, разбирался в стратегии и тактике и потому не только правильно и глубоко анализировал фронтовые сводки, но и делал предположения о дальнейшем развитии войны. И часто самые смелые предсказания сбывались, удивляя всех. Вокруг себя Фрунзе сплотил группу из большевиков и стал систематически изучать с ними теорию военного дела, проводил коллективное чтение книг во военным вопросам. Среди ссылных этот кружок в шутку называли «военной академией». В кружке шла подготовка военно-революционных кадров, проводились организационные меры к побегу ссылных на фронт для революционной работы среди армейских масс... Ведь там, далеко, между Балтийским и Черным морями, бушевала война, и там нужны были люди, способные

сказать солдатам правду о кровавой бойне»¹.

Но уже в августе 1915 года Фрунзе бежал из тюрьмы и работал нелегально в Забайкальской области под фамилией Василенко. В групповом сборнике «М.В. Фрунзе: Военная и политическая деятельность», опубликованном «Воениздатом» в 1984 году, о том времени говорилось: «За создание в селе Манзурке политической организации ссыльных, за чтение и распространение нелегальной литературы и революционную пропаганду М.В. Фрунзе и еще 13 ссыльных 31 июля 1915 г. были арестованы и направлены этапным порядком в Иркутскую губернскую тюрьму. На последней остановке, в 30 верстах от Иркутска, в селе Ос М.В. Фрунзе удалось бежать. В Иркутске он раздобыл документы на имя дворянина В.Г. Василенко, выехал в Читу и устроился разъездным агентом Забайкальского переселенческого управления. Используя представившиеся по роду службы возможности, М.В. Фрунзе объехал многие места Забайкалья, где в то время находились в ссылке революционеры-подпольщики. Он устанавливал с ними связь, организовывал доставку литературы, часто выступал с лекциями».

¹ Березов П. Михаил Васильевич Фрунзе. М.: Московский рабочий, 1947.

Нелегал в Забайкалье

Первая мировая война привела к росту проблем в сельском хозяйстве – в первую очередь из-за мобилизации взрослого мужского населения. В Российскую императорскую армию было забрано свыше 30 % работоспособного населения края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.